

О чём думает красивая девушка, едущая вечером в автобусе? Склонив голову на бок, она мечтательно смотрит в окно, на губах играет улыбка. Наверное, она думает о любви, о будущем, о прекрасном.

И как в такой хорошенькой головке могут иметь место такие мысли: «Завтра отдам долг Кате, Нине пока хватит и половины. Остальное можно будет отдать ей с зарплаты. Ну а если Татьяна потребует свои деньги назад, то я, пожалуй, перехвачу немного у Вики».

Обычная мыслительная деятельность, которая происходит в голове красивой девушки.

Сегодня Марина взяла аванс на работе. Первый раз в жизни. Обычно она дотягивала до зарплаты, а тут – не смогла.

Выйдя из автобуса, она направилась к дому. Ей надо было спешить: нужно ещё посидеть за дипломной, чтобы не оставлять её, как всегда, на последний момент.

И вдруг произошло нечто ужасное.

Кто-то подбежал сзади и со всего маху рванул на себя её сумочку. Ремешок лопнул, Марина не успела даже вскрикнуть, и сумочка оказалась в руках грабителя.

Она обернулась и, словно в замедленной съёмке, увидела человека, убегающего прочь. Плечо без сумочки стало каким-то незащитным, голым. Было холодно, словно с неё сорвали всю одежду. И так одиноко, будто никогда в жизни у неё не было друзей.

В этой сумочке был аванс – тот самый, который она с трудом выпросила. Там же находился паспорт – без него никуда. И главное – там лежала дипломная работа. Копия была лишь на флешке, но и её грабитель уносил в ночь. И всё это – такое разное и такое нужное – оказалось теперь несправедливо отнятым!

Марина почувствовала, как зубы скрипят от злости. Кулаки непроизвольно сжались, длинные ногти с маникюром впились в кожу на ладонях.

Да как посмел этот негодяй отнять всё это!

– Стой! – закричала она и, не отдавая себе отчёта, что делает, бросилась вдогонку.

Ох, что бы она сделала с ним, если б догнала! Двинула бы в челюсть. Испинала ногами. Повалила на землю и долго мучительно била.

– Отдай! – кричала по дороге Марина.

Чем больше будет шуметь, тем больше привлечёт народу. Как жаль, что в этот поздний час на улице никого нет. Был бы с ней телефон, она позвонила бы в полицию. Но телефон – в украденной сумочке!

– Отдай! Отдай!

Она и не знала, что на каблуках можно так быстро бегать. На пути не возникало преград. Когда в голове лишь одна мысль – догнать, о других преградах уже и не думается. Ладно, деньги – их можно заработать. Ладно, паспорт – его можно восстановить. И телефон можно другой купить. Но что делать с дипломной? Писать

её заново, когда на носу апрель? Если она потеряет дипломную, её выгонят из института. И что тогда?

И самое обидное: грабитель возьмёт деньги, но что он сделает с дипломной? Просто выбросит в помойку, ведь она не имеет для него ценности.

– Отдай хотя бы дипломную! Дипломную! – кричала Марина. – Стой!

Он не останавливался. Наоборот, рванул куда-то в сторону и побежал через дорогу. Она была пустынна в этот момент: как специально, вокруг ни души.

Не разбирая дороги, Марина бросилась за ним. Обычно она переходила дорогу в положенных местах и по светофору. Но сейчас было не до того.

Они бежали по другой стороне улицы. Марина сэкономила силы и больше не кричала. Ещё чуть-чуть поднажать, и она догонит человека.

А он немного сбавил бег. Наверное, подумал, что она от него отстала. Он даже оглянулся, чтобы убедиться.

– Дипломная! – закричала Марина ему в лицо.

Человек шмыгнул во дворы. Они, конечно, хуже освещены, но что делать? Выбирать не приходилось. Марина вбежала следом.

– Да стой ты! Сколько можно!

И тут Марина вспомнила, что они недавно проходили по психологии. Человек – существо вздорное. Если хочешь, чтобы он что-то сделал, попроси его не делать этого. Тогда он обязательно сделает.

– Не останавливайся! – крикнула она.

То ли из-за плохой дороги, то ли по случайности в этот момент человек споткнулся. На секунду он потерял равновесие, взмахнул руками, но выровнялся. Марине показалось, что он просто не ожидал услышать ничего подобного, поэтому и споткнулся на ровном месте. Но этих секунд хватило на то, чтобы подбежать ближе. Оставалось совсем немного: лишь руку протянуть.

Марина хотела ухватиться за его куртку, но промахнулась.

Человек обругал её и снова увеличил скорость. Ну что ж, надо сделать вторую попытку.

– Не останавливайся!

Это подействовало. Человек развернулся к ней: лицо ещё молодое, но просто страшное от ярости. Марина непроизвольно сжалась в комок и даже присела. Человек может в один миг рас-

правиться с ней. И тогда все дипломные мира станут неважными.

Вовремя Марина присела: человек размахнулся сумочкой, чтобы ударить её. И неизвестно, что было бы после такого удара. Сейчас Марину лишь немного задело. Но она почувствовала, как тяжела её дипломная работа.

И тут же злость: как он посмел её бить? Да ещё её собственной вещью?

Он выругался и бросился прочь. Марина чуть перевела дух, а потом рванула за ним. Отступать было уже поздно. Он дерётся дипломной, потом выкинет её на помойку или сожжёт, а Марину отчислят из института. Ну уж нет! Этого нельзя допускать!

Она вдруг поняла: грабитель, вероятно, не понимает, что ей нужно. Думает, она хочет вернуть всю сумку. А ей нужна только дипломная.

– Да стой же, поговорить надо! – закричала Марина.

Но грабителю казалось, что им не о чем разговаривать.

Они забежали в новый двор. Только Марина свернула за угол, как кто-то схватил её в темноте, рванул в сторону и прижал к стене дома. Тяжёлая плотная рука легла на горло. Сразу стало нечем дышать. Рядом зависло лицо грабителя.

– Отстань от меня, отстань от меня, отстань! – выговаривал он ей. – Что тебе от меня надо?

Единственное, что могла прохрипеть Марина, было:

– Дипломную!

Грабитель отпустил её. Марина покачнулась, закашлялась. Надо идти на переговоры с этим человеком. Он уже готов её слушать. Но попробуй поговори с преступником, особенно когда сердце стучит в самых висках, одышка после пробежки и тебя только что душили за горло.

Но ведь нельзя допустить, чтобы всё это было зря.

– Там... в сумочке... – сказала Марина, переводя дух, – там... дипломная... отдай, тебе она не нужна...

Он стоял рядом, так же тяжело дыша, даже упёрся руками в колени.

– Чего? – спросил он.

– Дипломная... Ну, её пишут в институте. Я учусь в институте, и там пишут дипломную... Ты учился когда-нибудь в институте?

– Чего?

Марине показалась, что она его чем-то обидела. Возможно, этот человек никогда не учился

67

в институте и чувствует себя неполноценным. Он и школу-то с грехом пополам окончил, раз вырос таким преступником.

Не надо было переходить на личности. Разговор и так тяжёлый. Надо говорить только самое главное.

– Меня выгонят из института, если я не сдам дипломную, – сказала Марина. – В прошлом семестре мне авансом её зачили, второй раз уж точно не простят. Мне никак нельзя её терять. Понимаешь? Посмотри, если не веришь.

Он не двигался с места, так и стоял, держась руками за колени.

– Посмотри, – кивнула Марина на сумочку.

Он посмотрел.

– Открывай.

Он открыл.

– Доставай.

Она командовала им, как хотела. Грабитель вытащил из сумочки несколько исписанных листов и комком подал.

Марина взяла их:

– Спасибо.

Она подумала, что глупо благодарить вора за то, что он возвращает награбленное. Но это ничего. Главное, что теперь дипломная в её руках.

– И ещё флешка.

– Чего?

– Вон там, в кармане, есть флешка. На ней дипломная.

Марина с тревогой следила за вором. Когда флешка оказалась в её руках, можно было вздохнуть спокойно. Как будто гора с плеч свалилась!

Ещё бы паспорт вернуть. Всё равно же он грабителю ни к чему. Ведь не станет же он требовать выкуп за возврат паспорта. Или станет?

Марина решила попробовать:

– Там ещё паспорт во внутреннем кармане. Давай его сюда.

– Чего?

Наверное, это было его любимым словом. Марина набралась терпения и более внятно повторила:

– У меня в сумке паспорт. Тебе он всё равно ни к чему. Отдай его мне.

Вор молчал и ничего не делал. Пришлось показать пальцем:

– Вон в том отделении, в кармане. Да-да, в этом. Доставай. Давай сюда.

Ну вот, паспорт у неё. Дипломную она прижимает к груди, паспорт и флешку сунула в кар-

ман пальто. Всё просто замечательно. Вот только резко стало жалко телефон.

– Хотя бы симку отдай, – сказала Марина. – Там, во втором отделении, там же, где паспорт, есть и телефон. Открывай.

Парень открыл второе отделение. Марина даже чуть зажмурилась, увидев сотовый. Сейчас она вытащит симку и заберёт себе, а сам телефон оставит.

А ведь она купила его в кредит. Она пользовалась им всего три месяца, даже не успела расплатиться. И что, теперь лишиться его навсегда? А за что тогда она будет платить в кредитном отделе? За то, что какой-то хам пользуется теперь её мобильником?

Она критически посмотрела на вора: лицо тупое, брови нахмурены, ноздри раздуты. Попробуй попроси у него вещи назад! Она перевела дух и всё-таки попыталась:

– Я за телефон кредит плачу. Мне его дали авансом. Теперь отработать надо. Пожалуй, я возьму симку вместе с телефоном.

Не глядя на парня, Марина полезла к себе в сумку. Но тут он словно опомнился. Он рванул сумку к себе, и руки Марины просто промахнулись. Как бы там ни было, но грабитель считал себя хозяином этой сумки, раз украл её. Он думал, что имеет право распоряжаться её вещами: что-то отдавать, а что-то нет.

Марина чуть отступила. Ей и так отдали дипломную и паспорт. Вроде бы парень хочет отдать и сим-карту. Нельзя быть такой наглой.

Она тут же поспорила с собой: ничего себе – наглость! Ведь это её личные вещи, она их купала, они принадлежат ей. И из-за того что какой-то хам ограбил её, она не теряет на них прав.

Это было странное ощущение. Марина не знала, где начинаются её права и кончаются его. Ни в какой конституции не написано, кто хозяин украденной вещи: её прежний владелец или тот, кто сильнее. Формально – конечно, она. Но сейчас не было места формальности. Сейчас работал суровый закон жизни: кто сильнее, тот и побеждает. И парень считает, раз он отнял сумку, то сейчас она принадлежит ему. И если он будет достаточно добр, то вернёт оттуда какую-то часть.

Таких законов нигде не было. Эти законы сейчас они устанавливали сами. Кто на что согласен.

– Ну всё? – грубо спросил грабитель.

Так говорят, когда считают разговор оконченным, словно они заключили сделку и сейчас

должны разойтись. Вот-вот он развернётся и уйдёт. И будет прав, если она позволит ему это.

Ей нечем было остановить его, поэтому она спросила:

– Послушай... Как тебя зовут?

Грабитель чуть усмехнулся:

– За дурака меня держишь?

– Нет. Просто не очень удобно разговаривать с человеком, когда не знаешь его имени.

– Петя! – с нажимом сказал он.

Его расчет был таков: если он назовёт своё настоящее имя, Марина тут же позвонит в полицию. Нужно говорить самое непохожее имя, какое только можно выдумать.

Таким именем для него оказалось Петя.

– Очень приятно. А меня зовут Марина. Послушай, Петя. Думаю, мне всё-таки надо забрать телефон. Понимаешь, мне его дали авансом: за него ещё работать и работать. Мне ещё девять месяцев за него расплачиваться. Тебе когда-нибудь давали что-нибудь авансом?

Он молчал. Его новый расчёт был такой: она только притворяется невинной овечкой. На самом деле требует телефон, чтобы позвонить в полицию. никоим образом нельзя ей давать телефон. Ни под каким предлогом не поддаваться на провокации.

– Вали отсюда, – сказал Петя и на её глазах положил телефон обратно в сумочку. – Скажи спасибо, что это отдал.

После такого нормальная девушка поняла бы, что больше ничего от парня не добьётся, и отстала. Он повернулся к ней спиной и пошёл от неё: медленно, не торопясь. Показывал, что правда на его стороне.

Но Марина не была из тех нормальных девушек, до которых быстро доходит, что их ограбили. Она постояла на месте, набираясь решимости, а потом догнала вора и зашагала рядом.

У Пети тут же испортилось настроение.

– Ну что ещё тебе от меня надо? – закричал он.

Ему захотелось бросить сумку на землю: пусть подавится эта наглая девчонка! Он уже хотел так и сделать. Но что-то всё-таки не позволило. Это было осознание: там телефон. Как только девчонка получит его в руки, тут же вызовет полицию. И не миновать ему заключения!

Он собрал все свои силы и закричал:

– Вали отсюда, дура!!!

Он вложил в это всего себя. В тишине позднего вечера это прозвучало особенно громко и грубо. Кроме того, это прозвучало еще и отчаянно.

Марина зажмурилась: так легче было переносить громкие звуки. Потом открыла глаза и сказала:

– Мне нужно ещё кое-что. Там в кошельке – фотография моего парня. Он ушёл в армию, а я храню фотографию. Мне она очень дорога. И я без неё никуда не уйду.

Грабитель тихо взвыл. И, увидев распахнутые двери какого-то подъезда, свернул в них.

Марина где-то слышала, что нельзя ходить с незнакомым парнем по тёмным подъездам. Остаться на улице было спокойнее. Поэтому перед самыми дверями она вцепилась в него:

– Отдай фотографию. Лежит в кошельке. Она мне дорога как память. Мне она нужна!

Он вырвал свой рукав из её цепких пальцев и забежал в подъезд. Марина вздохнула, словно набирая воздух перед прыжком в воду. А потом зашла за ним следом. Хорошо, что подъезд был освещён: где-то сверху тускнела лампа дневного света. Видно было даже лучше, чем снаружи при свете фонарей.

Парень вздрогнул, когда Марина вошла в подъезд.

– Ну что тебе ещё от меня надо? – спросил он.

Ага, он уже начал сдаваться!

– Ты знаешь, я так подумала: мне надо всё, – веско сказала Марина. – Деньги тоже нужны. Я сегодня получила аванс. Я на него рассчитывала. Ты знаешь, что такое аванс? Это когда тебе дают раньше, чем заслуживаешь. И потом обязательно нужно отработать. И мне нужен кошелек, в котором лежат деньги. Мне нужно всё.

– Да на, подавись! – закричал парень и бросил в неё сумочкой.

Марина сжалась в комок, чтобы ей не досталось. Сумка приземлилась на пол, к её ногам.

– На! На! Звони в полицию! Давай, вызывай их сюда! На, на тебе! Подавись!

Парень распахнул свою куртку, вытащил оттуда какие-то деньги и тоже швырнул в неё. Они закружились по воздуху возле Марины.

– Делай что хочешь! Только отстань от меня! – закричал парень и, выбросив из кармана последнюю купюру, побежал наверх. Подъезд гремел, пока он добирался до пятого этажа.

А Марина осталась стоять на первом. Вокруг неё лежали крупные денежные купюры, а у ног валялась сумочка.

Казалось бы, праздную победу. Ты вернула себе всё. И дипломная, и фотография парня,

и телефон с симкой, и кошелек с деньгами – все авансы вернулись к тебе. Что ещё надо?

Но был какой-то осадок на душе. Такой тяжёлый, что даже сумку с пола поднимать не хотелось. Кому приятно подбирать то, что швырнули в лицо со словами: «На, подавись!»? Было что-то очень неправильное в том, чтобы теперь взять это и уйти домой. Тогда бы она унесла не только сумочку, но и душевный осадок.

Она стояла и смотрела в пол. Сумку, конечно, поднять надо. А что это за купюры, которые окружают со всех сторон? Среди них есть сотки и пятисотки, а вон, кажется, лежит тысяча. Боже, да тут целое состояние!

Не пошевелившись, Марина пересчитала всё, что её окружает. Здесь хватило бы на то, чтобы вернуть долг Нине и Тане. Останется ещё и на то, чтобы занять вечно безденежной Олесе.

Стук сверху, вероятно, грабитель, ушедший на пятый этаж, где-то брякнул перилами. Он думает, что она собирает раскиданные по полу деньги, а она только стоит и считает, сколько куда пойдёт.

Руки Марины непроизвольно сжались в кулаки: какое-то загребательное движение. Словно она загребает и загребает себе эти деньги. Но вместе с этим Марина понимала, что так нельзя делать.

Это даже в словах нельзя было выразить, просто она понимала, что никогда в жизни не должна брать эти деньги.

И дело тут было даже не в том, что их бросили в лицо со словами: «На, подавись!». И не в том, что они могли оказаться так же отнятыми у других. И не в том, что у этого парня может вообще ничего не остаться.

Дело было куда серьёзнее. Она бежала за ним и терпела весь этот ужас, потому что отстаивала свои права. Ей нужно было донести до парня, что именно она – хозяйка сумки и что она должна распоряжаться ею. Она терпела его пальцы на своей шее, когда он душил. Она бежала за ним три квартала. Она даже подвернула каблук, и теперь он опасно шатался. И всё это она вынесла потому, что знала: правда на её стороне. Если сейчас она возьмет чужие деньги, правдой даже пахнуть не будет.

Марина в нерешительности потопталась на месте. Она подумала, что парень, должно быть, слышит её с пятого этажа. И словно в ответ на это где-то наверху скрипнули перила.

Это было похоже на незаконченный разговор. Осталась необговоренная тема, и её обя-

зательно нужно завершить. Они общались очень странно: то стукнут чем-то, то брякнут, то вздохнут, чтобы другой это слышал.

Можно было уйти. Просто забрать свою сумочку и пойти домой. И пусть бы этот человек сидел там и, если хочет, гремел перилами. Но тогда разговор остался бы незавершённым. И последними его словами было бы оскорбительное: «На, подавись!». И он так и не узнает, что она не взяла ни одной его купюры, а только то, что ей было положено.

Нет, оставлять всё это так нельзя. Марина глубоко вздохнула. Надо идти на пятый этаж. Глупо стоять на первом, когда хочешь сказать что-то человеку, находящемуся на пятом. Гора не идёт к Магомету, она, наоборот, сбежала от него подальше. Придётся самой идти к горе.

Марина подняла с пола сумочку, повесила себе на плечо и пошла наверх.

Марине с трудом давался каждый шаг. И чем больше она поднималась, тем больше понимала, что приближается к чему-то опасному и неприятному. Ей туда не хотелось. А она всё равно шла.

Парень сидел прямо на ступеньках, притулившись плечом к стене. Он выглядел таким несчастным, будто его обокрали. Если бы Марина не знала, что только что произошло, она обратилась бы к нему с вопросом: «Чем могу помочь?». Проходить мимо человека в таком жалком состоянии просто бесчеловечно.

Он не пошевелился, увидев её, но Марина почувствовала перемену. С одной стороны, он ждал её. С другой – ещё больше вжался в стену, чтобы быть подальше. Он словно хотел просочиться сквозь неё.

Надо было что-то сказать. Не зря же она поднялась сюда.

– Это не твой подъезд? – нашлась Марина.

Он молчал долго, Марина ждала ответа.

– Нет, – буркнул он наконец.

Марина с пониманием протянула глубоко-мысленное «а-а-а». Наступила ещё одна пауза.

– И давно ты этим занимаешься? – спросила его Марина.

Парень коротко взглянул на неё и снова отвернулся.

– Чем? – спросил он. Получилось как-то с напором.

Марина это почувствовала, но отступать было некуда. И гримировать то, что они оба знают, бессмысленно.

– Ну, воровством, – уточнила Марина.

Она постаралась сделать свой голос настолько ровным, насколько это возможно. Чтобы в нём не прозвучало ни тени упрёка, обиды или осуждения. Просто интерес.

Парень глубоко вздохнул и зачем-то начал разминать шею, будто она затекла. Всё это время он думал, что ответить. Не найдя ответа, он буркнул:

– Да какая разница. Занимаюсь и всё.

Снова глубокомысленное «а-а-а-а...». Марина думала, о чём бы ещё его спросить.

– А ещё ты чем занимаешься? – нашлась она.

– В смысле?

– Ну, учишься где-нибудь, работаешь?

Парень пожал плечами:

– Хочу найти нормальную работу. Недавно уволился.

– Почему?

– Потому что начальник – козёл.

– А-а-а-а... А откуда ты уволился?

– С оптовой базы. Знаешь, может быть, тут недалеко?

Марина кивнула. Дело шло неплохо. Вопросы задавала не только она, но и он. Кто бы мог подумать, что между преступником и его жертвой может возникнуть такой нормальный человеческий разговор?

– А до этого где-нибудь работал?

– На другой базе.

– А там что?

– Тоже уволился.

– Тоже начальник козёл?

– Нет, там бухгалтер стерва.

– А-а-а-а...

Понимания Марины хватило бы ещё на несколько баз. Но в голове начала складываться вполне ясная картина: этот человек просто не может найти своё место в мире. Он тыкается, как слепой котёнок, то на одну базу, то на другую. Все кажутся ему козлами, и он сбегает с каждого места, которое находит.

– А ты учился где-нибудь? – спросила Марина.

– Да, в техникуме.

– Давно окончил?

– Да не заканчивал я его. Ушёл.

Марина заранее знала то, что он скажет.

– Декан у нас был скотина, – сказал парень.

Конечно, если все люди вокруг кажутся скотами и козлами, почему бы не отнимать у них

сумки? Марине было понятно, что творится с этим человеком.

– Послушай, Петя...

Он чуть усмехнулся:

– Да не Петя я на самом деле.

– А кто?

– Кирилл меня зовут.

– Очень приятно. А я по-настоящему Марина.

– Да я догадался уже.

Он то ли хрюкнул, то ли усмехнулся. И начал подниматься со ступенек. На всякий случай Марина отступила немного. Но Кирилл сейчас выглядел вполне миролюбиво. Словно всё негативное, что было в душе, сейчас вылилось наружу. Сейчас он был просто уставшим. А уставшие редко бывают злыми.

После этого можно было спокойно идти домой. Ведь ещё писать дипломную. Завтра рано вставать. Она и так потеряла много времени. Да ещё идти такую даль: она же на три квартала убежала от дома.

Он словно догадался, о чём она подумала:

– Ты куда сейчас, домой?

Марина кивнула.

– Далеко дом?

– Три квартала отсюда. Ну, помнишь, около той остановки, где я вышла.

Теперь уже глубокомысленное «а-а-а-а» с его стороны. Не сговариваясь, они направились вниз. Марина шла медленно: ждала Кирилла. У неё опять возникло ощущение, что разговор между ними не окончен.

– Слушай, – обернулась она, – а проводи меня до дома. В конце концов, я здесь из-за тебя. А на улице страшно, темно. Я боюсь, вдруг кто нападет.

Кирилл хмыкнул себе в кулак:

– Это ты-то боишься?

Они оба засмеялись. Когда-то Марина слышала, что нервное напряжение может выходить вместе со смехом. Она хохотала, как заведённая. И одновременно с этим хотелось плакать. Было так жалко себя. И вообще, она испытывала чувства, названия которым не подберёшь.

Разбросанные купюры на первом этаже вызвали новый приступ смеха. Эти бездушные бумажки лежали на полу россыпью. Они выглядели жалко. Точнее, они выглядели так, как выглядят обычные цветные бумажки. И было непонятно, как из-за них кто-то идёт на убийство или воровство, как многие девушки продают из-за них тело, а заодно и душу, как из-за них

ссорятся друзья и наживаются враги? Ведь через них можно так легко переступить.

Наверное, завтра какой-нибудь человек из подъезда будет очень удивлён, когда обнаружит на полу целый клад. И для него эти деньги уже не будут ворованными: он-то нашёл их честным путём, у себя в подъезде.

На душе было очень легко. Апрельский ветер ласкал лицо. Когда Марина бежала сюда за сумочкой, то не обращала внимания на погоду. Не до того ей было.

– Что за дипломную ты пишешь? – спросил Кирилл.

– По педагогике. Я в институте учусь, – охотно принялась объяснять Марина. – В том семестре очень плохо написала. Мне поставили четвёрку, но сказали, что это аванс, его отрабатывать надо.

– Так тебе не только телефон отрабатывать?

– Точно! – засмеялась Марина. – Набрала себе авансов. Подумать только: я ведь чувствую себя кому-то обязанной. В институт хожу не потому, что хочется, а потому что надо. Попробуй пропусти занятия – не имею права. На меня же понадеялись, поставили незаслуженную четвёрку! За телефон расплачиваюсь – тоже не от души, а по надобности. А на работе? Получила сегодня аванс. А Альбина Ивановна говорит: «Смотри, больше не опаздывай! Помни, что тебе добро сделали!» У меня всю жизнь так и получается, что живу в долг. Беру аванс, а потом за него отчитываюсь. Пытаюсь догнать то, что обещала. И получается, что живу не собственную жизнь, а догнаю обещания. А ведь это неправильно!

– А может, так и должно быть? Я вот тоже вечно всё обещаю да обещаю, а сделать никак не получается. То матери говорю, что за голову возьмусь. То брату обещаю в гараже помочь.

– У тебя подобное ощущение? Будто догоняешь жизнь, а она всё дальше удаляется?

– Да. Ты думаешь, это из-за авансов?

Они посмотрели друг на друга так, словно сделали величайшее открытие.

– Слушай, ну давай просто рассуждать, – предложил Кирилл. – Этих авансов в твоей жизни становится всё больше или всё меньше?

– Конечно больше. Не успеешь сделать одно, как обещаешь другое. Сегодня вот первый раз взяла аванс на работе. А взамен обещала больше не опаздывать.

– Ну и что, ты догоняешь жизнь или всё больше отстаёшь от неё?

– Отстаю, к сожалению.

– Так, наверное, не надо брать эти авансы! Ни мне, ни тебе, ни другим. Наверное, кому-то выгодно, чтобы люди попадали к ним в зависимость.

– Слушай, точно!

– Больше я не буду попадаться на эту удочку. Мне с детского сада говорили: «Не ходи по лужам, дадим конфету». Приходилось обещать и ходить по лужам так, чтобы мать не видела. Или: «Мы купили тебе велосипед, а ты четверть с тройками закончил? Вот запретим теперь кататься». Я обещал исправиться в следующей четверти и ездил на велосипеде авансом. А за него всё равно надо отчитываться. Моя бывшая девушка. Она говорила: «Сначала подари мне золотую цепочку, а потом будем говорить о личном». И я дарил, платил аванс, а она потом его отбывала. А я всё никак не мог понять, почему у нас с ней ничего не клеится.

– Слушай, как же у нас люди живут? – сказала Марина. – Ведь они постоянно пытаются вогнуть кого-то в зависимость. Понадавать авансов, а потом собирать отчёты.

– Лично я не буду больше брать никаких авансов! – сказал Кирилл. – Обещаю, что завяжу с этим делом раз и навсегда.

– Не обещай, а просто сделай.

Марина и Кирилл чувствовали, что стоят на пороге нового открытия. Они словно познали закон Вселенной. Теперь жить станет проще и лучше.

Они подошли к дому Марины.

– Вот тут я и живу, – сказала она и махнула головой на подъезд.

И тут же подумала: «Не надо называть ему квартиру, а то ещё придёт и ограбит. И номер телефона не надо давать, если попросит». Хоть она и пришла к открытию с этим парнем, на этом надо было завязывать. Хорошо всё то, что хорошо кончается. А если знакомство продолжится, вряд ли оно кончится хорошо.

Но у Кирилла хватило ума не набиваться на дальнейшее.

– Я там тебя не сильно придушил? – спросил он на прощание.

– Нет, – покачала головой Марина. – Напугал только.

Ему трудно далось, но он всё-таки заставил себя сказать:

– Извини.

– Ну ладно.

– А больше я тебе ничего плохого не сделал? – спросил он на всякий случай.

– Да вот каблук ходуном ходит. Когда я бежала за тобой, то расшатала его. А так ничего, всё нормально.

– Каблук? – Кирилл почесал затылок. – Снимай сапоги. Я их завтра в ремонт отнесу. У меня друг башмачником работает. Он тебе бесплатно починит. Ещё не хватало, чтобы ты тратила свои деньги на ремонт из-за меня.

– Да не надо, – попыталась было Марина. – Я как-нибудь сама.

– Нет уж. Ты ж сказала, что нельзя быть никому обязанным. И я не хочу оставаться в долгу. Если ты хочешь не просто догонять жизнь, а жить по-настоящему, то отдашь мне сапоги.

Марина засмеялась:

– Ну хорошо. Тогда я надену дома тапочки и вынесу сапоги. Подождёшь?

Она отметила про себя, как удобно получается: не надо искать предлог, чтобы продолжить знакомство. Получается, что они ещё раз встретятся, когда он принесёт сапоги. Всё складывается как нельзя лучше.

Может, и нет ничего хорошего в том, что она знакомится с грабителем, который душил её, не может найти работу и считает всех козлами. Но сейчас он был очень милым человеком. И он совершенно прав, сапоги сломаны по его вине. Тут не надо тыкать носом или вгонять в зависимость, а просто позволить исправить ошибки.

Марина сбегала домой, переобулась в тапочки, а сапоги положила в пакет и вынесла Кириллу.

– На, держи.

– Завтра вечером тебе занесу. Часов в девять. Будешь дома?

– Буду.

– Ну всё тогда. Пока.

Марина махом забежала к себе и успела ещё заметить в окно, как Кирилл завернул за угол.

Странное знакомство, удивительное, непостижимое. Расскажи она такое девчонкам в институте – не поверят. А если и поверят, то не поймут.

Приятно осознавать, что одним хорошим человеком на свете стало больше. Пусть даже на пять минут или на два дня, но этот Кирилл стал лучше, чем был. А может, он теперь всю жизнь поменяет из-за встречи с ней? Ведь это легко, это реально, это по силам любому человеку. Главное – захотеть.

«Ведь мы зачем-то приходим в этот мир, – подумала Марина. – В качества аванса Бог даёт нам жизнь, таланты, свободу выбора и возможности. Кто-то умеет этим пользоваться, а кто-то влипает, как в паутину. А в конце жизни мы все должны будем написать Богу авансовый отчёт, как мы жили и на что тратили возможности. Просто многие об этом забывают».

Это был единственный аванс, на который Марина была согласна: её собственная жизнь.

Склонив голову на бок, она мечтательно смотрела в окно, на губах её играла улыбка. Она думала о любви, о будущем, о прекрасном.

